Макарова Вера Федоровна

Мы были настроены на Победу

В июне 1941 года мне исполнилось 12 лет, и тут началась Великая Отечественная война. Об этом объявили по радио. Поскольку родители работали на военных предприятиях, отца взяли на казарменное положение, брата Владимира сразу забрали в армию (как раз по возрасту ему надо было идти). Брата отправили в Рыбинск учиться на младшего командира, он прислал два письма. Просил дядю, чтоб тот нам помог. Их обучили и забросили в тыл врага за 280 км от города – и больше ничего о нем не знаем, нам пришло два извещения, что он пропал без вести. Мы с мамой остались вдвоем.

В конце июля 1941 года было дано указание эвакуировать всех детей из города, все должны были записаться в своих школах. У школы был магазин, я купила там в дорогу конфет, потому что была страшная сладкоежка, и нас повезли в Новгородскую область, Хвойнинский район, в деревню. Поселили нас в школе, я там пробыла месяц, а поскольку немцы туда подходили быстрее, то мама дала денег соседке (сама она не могла с казарменного положения уехать), которая поехала и забрала и свою дочь, и меня. И мне дали в дорогу батон и немножко кругленьких конфет, а в городе продуктов не было уже. Когда мы вернулись, через несколько дней сомкнулось кольцо.

Отец находился в районе Средней Рогатки. В конце октября отца демобилизовали, как и всех, кому было 50 лет и старше, кому было куда идти, а оставили тех, кто помоложе: защитники еле передвигали ноги, винтовку не могли держать в руках, и надо было что-то делать, потому что прокормить всех было невозможно. И я краем уха услышала, как отец маме рассказывал, что тех старше 50, кому некуда было идти, их расстреляли. Не знаю, правда это или нет, я потом слышала что-то подобное в 2004 или 2005 году, по нашему Ленинградскому радио передавали. И в этом году еще говорили о Средней Рогатке. Но больше нигде и никогда не читала и не слышала, дальше тема не получила продолжения.

Папе нужно было устроиться на работу, а поскольку сил не было, то он пошел в охрану на завод искусственного волокна «Пятилетка» в районе Ржевка-Пороховые. Мы жили на улице Красиной, там был дом и бараки, в которых работали еще при Петре I - выпускали порох. Комбинат в годы войны назывался № 757, а после войны – Охтинский химкомбинат.

29 марта 1942 года на Ржевке скопилось очень много вагонов со снарядами, и видимо, было вредительство, т.к. очень большой состав немцы расстреляли, погибло очень много народа. В большом радиусе были выбиты стекла, двери. Тогда мороз был около 30 градусов. А 30 марта отец пришел с работы утром рано, лег и умер, диагноз – дистрофия. Поскольку это самый трудный был период, народу очень много погибло и от этого обстрела, и от голода. Там, где Пороховское кладбище, подрывали рвы, сбрасывали трупы, как и на Пискаревском мемориальном кладбище. Были выделены бригады, которые занимались захоронением, подбирали по дорогам, у домов. Бывало, выходишь из дома, а дверь не открыть – подбрасывали трупы, т.к. сил не было отвезти. Организована эта служба была очень хорошо, город миновала эпидемия. Отца мама сама помыла, одели, завернули в простынь и отвезли сами в братскую могилу. Опустили, там горы были трупов, а весной, когда все стало таять, к этому месту нельзя было подойти за 200 м, потому что земля дышала.

В марте по детской карточке нам было выдано на месяц по 50 г соленой семги, а поскольку мы жили втроем - мать, я и отец, то эти 50 г разделили поровну, и отец

от этого кусочка откусил немножко, а когда его не стало, то часть кусочка осталась. Когда дистрофия последней стадии, то у человека аппетита нет. Больше ничего не давали, только в день хлеба по 125 г на детскую карточку и 250 г - на рабочую. И начали прибавлять лишь в апреле 1942 года.

У нас была отдельная квартира, а рядом за стенкой жил папин брат, его не взяли в армию по состоянию здоровья, он работал на фабрике-кухне на Московском проспекте, где универмаг «Московский». Поскольку транспорт стоял, то он ходил пешком. Сил не было, как-то он не пошел на работу, и ему дали иждивенческую карточку 125 г. Когда у него уже сил не было совсем, ему прибили полотенце над кроватью, он подтягивался, чтобы сесть. 14 марта 1942 года я принесла ему кусочек хлеба и суррогатный кофе. Я пришла, а у него глаза закрыты и рот приоткрыт, я же не знала, что это агония предсмертная. Тут заходит соседка и говорит: «Надо же, как спит!», думала, что я оставлю еду. Но я не оставила, рассказала маме, и оказалось, что он умер.

В июне 1942 года мне исполнялось 13 лет, и с этого времени я получала бы карточку иждивенческую, а на нее вообще ничего не давали, поэтому я пошла на комбинат рядом, ничего не говоря матери, зашла в отдел кадров, Там сказали, что ты ж, мол, совсем маленькая, а я ответила, что все равно хочу работать. И с 29 июня 1942 года я уже пошла на работу, карточка была уже рабочая, а это и хлеба больше, и продукты какие-то давали. Столовая на комбинате была, там кормили рабочих, давали крупы, и на 40 г каши гороховой, похлебку из травы готовили. Сидишь за столом, рядом мужчина ест 100 г каши, и я, ребенок, столько же получала. Сначала меня устроили в цех, а потом, а поскольку я была маленькая, слабенькая, то в отдел ОТК, там я отработала 8,5 лет.

Потом я пошла в вечернюю школу, поскольку перед войной закончила только 4 класса. Отучилась 7 классов, потом на курсы мастеров, затем хотела учиться дальше, но в Московском районе открыли научно-исследовательский институт пластмасс, они разработали технологию получения полиэтиленовой пленки, и ее должны были внедрять на Охтинском химкомбинате, меня послали туда обучиться, и после этого мы осваивали у себя это производство. Производство было вредное, я в 30 лет как старушка ходила, на суставы это очень действовало.

Не было воды, электричества, отопления. Поскольку топить котельные стало нечем, то поступило распоряжение все муниципальные здания сносить и отапливать котельные. Мы жили в деревянном здании, у нас снесли крышу, ничем не помогли, сказали, самим перенести одежду в другое помещение, мы на следующий день пришли за вещами, а уже ничего не было – было мародерство ужасное. Даже игрушки забрали новогодние. Тогда отец по старой памяти на 1941/42 год принес елку из леса, и на детскую карточку было выделено 300 г конфет соевых, я вешала и ела, вешала и ела. Когда елку нарядили, то конфет на елке не было уже. Когда я уже в мирное время была в музее города, то видела информацию, что детей в блокаду на елку приглашали. В центре и райкомовских, может, и приглашали, а для таких, как мы, конечно, приглашений никаких не было. Но заботу проявляли: в конце 1942-43 гг. было дано распоряжение - давать путевки в дома отдыха малолеткам, как я, на Крестовский остров, на побережье Финского залива – в Разливе (после войны там потом был госпиталь, долечивали раненых). Я там тоже была, по одному разу и в одном, и в другом.

Когда мы переехали после слома дома в другое жилье, то через год вернулась эвакуированная, которая там жила раньше, и наши вещи просто-напросто выбросили на улицу (мама тогда на казарменном положении была). Нам нужна была где-то крыша над головой. Нам дважды давали комнаты. Еще одну дали, где рядом была закрытая комната - там женщина съела свою соседку и ее посадили.

Поскольку квартира нам досталась приличная, то вскоре нас попросили перебраться в другое место, а квартиру забрали – пришли из милиции. Мне запомнилось еще в 1942 году, когда в новом месте по всем комнатам и квартирам расквартировали воинскую часть. Они пожили неделю и их всех бросили на Синявинские болота на прорыв блокады, и оттуда потом никто назад не вернулся.

Дисциплина была очень строгая, не то слово. Моя знакомая, ровесница, не поехала в колхоз, куда ее послали, и ее осудили на год. Без противогаза с собой ты не имел права выйти из дома, идешь, тебя противогаз по пяткам бьет. Всем выдавали, кто работал, даже детям, ведь раз работают, то считалось, что они тоже взрослые, и к ним применялись те же санкции - и за опоздание, и за все абсолютно. Однажды, когда наши вещи выбросили на улицу и жить было негде, мать пошла к знакомой проситься на ночевку. И так вышло, что утром все пошли на работу и меня закрыли. Я смотрю, солнце уже встает, а мне ведь на работу надо! И мне пришлось прыгать со второго этажа, т.к. опоздание было - подсудное дело.

В тот страшный момент, в экстремальной ситуации сразу было видно, кто есть кто. Человек обнажался. Счастье мое было, что была семья, где делили абсолютно все поровну, поэтому я осталась в живых. А рядом семья была шесть человек, там дочь 13-летняя ходила выкупать хлеб на семью, и подъедала по пути крошки, а ее мать, отец и три сестры умерли от голода.

Раньше были навесные замки, и к нам кто-то стал забираться в квартиру весной 1942 года, украли всю одежду, сухофрукты и даже ленты. Не в чем было ходить. Я попросила мать меня закрыть дома, чтобы увидеть, кто к нам лазит, взяла топорик небольшой. Через какое-то время вошли соседка лет 18 с сестренкой лет 7, увидели меня с топором, и старшая меня уговорила, они ушли. Я рассказала матери, та пошла в милицию, они пришли к соседям, нашли и вернули нам вещи, которые те не успели продать.

А напротив жила семья, муж работал, а жена нет, у них было двое детей, и родился третий ребенок - он, конечно, умер. А соседка, которая у нас воровала, и у них украла карточки, а это было равносильно смерти. Вот жена умерла, детей забрали родственники, мужа, который был хорошим специалистом, поддерживали на работе. Он потом попытался прорваться через блокаду, но погиб.

Народу умирало много, и чтобы получить карточку за умершего родственника, его накрывали матрасом, не хоронили и не оформляли, сколько можно было. Рынок был на ул. Коммуны, и там торговали мясными котлетами, необычайно белыми такими. И страшной зимой 1941/42 года, когда идешь, вокруг кучи мертвых, у некоторых вырезаны мягкие места. Котлеты были, конечно, из этих обрезок.

Воспоминания остались: идешь по ул. Красина, там грузят покойников, почему-то все были раздеты, и поскольку был мороз выше 30 градусов, они цеплялись друг за друга, их бросали - и звон был, как хрустальный.

У нас одна соседка держала козу, не давала никому ее трогать, а жила с сыном и невесткой. И вот соседка умерла от голода, а коза осталась, сын ее сразу бегом побежал ее прикончить, но таким безобразным образом – он ее головой об мостки ударял, торопился, чтоб быстрее съесть.

В конце улицы Коммуны жил цыганский табор. Мор там был страшный. У цыгана была лошадь, он на ней все трупы возил. Лошадь большая, но цыган ее берег, а мог бы ею накормить и стольких своих спасти от голода.

Когда были бомбежки и обстрелы, мы с рабочего места не уходили – заставляла необходимость, т.к. непрерывное производство не остановишь. Я работала в лаборатории, и хотя была очень маленькая, мне доверяли анализы делать, это было связано с порохом (мы изготавливали компоненты для запалов, для катюш), мы разбраковкой занимались, испытывали на территории. Нас, маленьких, было только трое, я первая пришла, потом еще двое таких же. А обстреливали каждый день. Это дома можно было спуститься в подвал. Причем мы жили за городом, и было дано распоряжение, чтобы все рыли себе окопы, т.к. бомбоубежищ там не было. Рыли окопы, делали настил, но они неглубокие былы, и если снаряд попадал, то не помогало. Наблюдала я как-то зимой 1942 года воздушный бой: зимний морозный день, в небе два самолета, трассирующие пули выпускают, те летят прямо над головой. Мне было интересно, и я не убежала никуда, а наблюдала, я еще не понимала, что это опасно.

Как-то кончился рабочий день, работаю в лаборатории, идти домой – холодно, света нет, и я решила дождаться открытия столовой, съесть 120 г каши и чая выпить. Но была же, по сути, ребенком… И что я сделала: в лаборатории была весовая комната, поскольку выпускали порох, то все столы завалены пробами пороха, и я решила скоротать время: нашла фольгу, приготовила подсвечник на 2 маленьких свечи, взяла воск, нитки, поставила в весовой. Думаю, их надо зажечь, и я забылась, где я нахожусь, заигралась. Взяла кусок бумаги, подошла к муфелю (раскаленная печь), зажгла, иду с факелом мимо пороха, а навстречу мне - начальник ОТК, он крикнул: «Что ты делаешь?!», погасил, прибежал к моим свечам. У него не было сил на меня накричать, он провел со мной беседу, и я поняла, что могла наделать много бед.

Нас очень поддерживало радио, тарелка эта. Настолько большую поддержку мы ощущали, очень хорошие передачи были, в том числе музыкальные, это отвлекало от всего плохого. А их, особенно когда в детстве слышишь, запоминаешь надолго. Как-то я одна дома была, и шла передача о финском композиторе Сибелиусе, это было так волнующе, что запомнилось на всю жизнь, это уйдет вместе со мной. И люди было намного добрее, чем сейчас, намного.

Люди были настроены, конечно, на победу, несмотря на голод, лишения, разруху. Порядок в городе держали. Было очень строго, эпидемий не допустили. Даже маленькие работали в 2 смены (как и я), когда надо было, не говоря об остальных. И все ждали прорыва блокады. Настроения были не упаднические, хоть было всякое, но больше было примеров самоотверженности. Например, когда мы учились в вечерней школе, нам выдали по 100 г помадки, и у нас два мальчика были, видимо, они жили не впроголодь, они отдали эту помадку учительнице русского языка и литературы. Была забота, поддержка друг друга.

Еще пример такой: ремонтно-механический завод, мужчины не могли стоять, сил нет, они надетую на себя фуфайку в тиски зажмут, чтобы не падать, и работают. Подбадривали друг друга. Нас, маленьких, тоже поддерживали, молоко соевое давали, кроме пайка, казеин, дуранда иногда доставалась, помимо того, что было по карточкам. А начиная с апреля 1942 года, ситуация улучшилась.

На работе я с первого и до последнего дня занималась общественной работой, сначала – книгами: чтобы больше читали, я была книгоношей – раз в неделю разносила книги из библиотеки по подразделениям. В конце войны в Москве был организован съезд библиотекарей, и мою фотокарточку послали туда, хоть я и не ездила. Была и комсоргом, и все время чем-то занималась, до профкома. И на работе моя фотография все время на Доске почета висела. Всю жизнь проработала на одном месте, оттуда ушла на пенсию.